

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Parleametary Debater: House of Commons. 1926. N 197. Col. 803.

² Archiv Ministerstva zahranièních Vìci ÈR, Politické Zpra'vy (далее — AMZV, PZ). Londy'n. 1926. N 112. 7. X.

³ Ibid. N 127. 11. XI.

⁴ Ibid. N 112. 7. X.

⁵ Ibid.

⁶ Ibid. N 97. 26. XI.

⁷ Ibid. 1927. N 1. 13. I.

⁸ Ibid.

⁹ Документы внешней политики СССР. М., 1966. Т. 10. С. 6–62.

¹⁰ Там же. С. 54–60.

¹¹ AMZV, PZ Londy'n. 1927. N 16. 28. II.

¹² Ibid. N 45. 14 V.

¹³ Ibid. N 46. 17. V; N 47. 19. V.

¹⁴ Ibid. N 45. 14. V; N 47. 17. V.

¹⁵ Ibid., № 47, 48, 17.V, 18.V.

А. А. Фурсенко

ОБ ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ КУБИНСКОГО КРИЗИСА 1962 г.

Очерк-воспоминание

Мой интерес к Кубинскому кризису относится ко времени его возникновения в октябре 1962 г. Противоречивые советские заявления и сообщения иностранного радио породили тогда массу загадок. Интерес этот был затем подогрет ходившими по Москве слухами о выступлении Н. С. Хрущева на Пленуме ЦК КПСС 23 ноября 1962 г., в котором он рассказал, как был разрешен Кубинский кризис. В дальнейшем различные публикации в американской печати породили новые вопросы. Например, обозреватель телевизионной компании Эн-Би-Си Джон Скали поместил в 1964 г. в журнале «Лук» статью о своих переговорах с резидентом КГБ Александром Фоминым. Во время их встречи 26 октября 1962 г. в Вашингтонском ресторане «Оксидентал» был якобы согласован план урегулирования Кубинского кризиса. В ресторане повесили даже мемориальную доску, на которой написано, что в результате встречи Скали с «загадочным русским мистером Икс» была предотвращена третья мировая война. Американский тележурналист усиленно подогревал интерес к своей встрече с советским разведчиком и прежде всего к собственной персоне.¹

В литературе последующих лет, в книгах А. М. Шлезингера, Т. Соренсена, Р. Хиллсмана и других появились новые подробности.² Особое значение имела опубликованная в 1978 г. книга Шлезингера «Роберт Кеннеди и его время», содержащая специальный раздел по истории Кубинского кризиса, где рассказывалось о советско-американских переговорах по его урегулированию. Это замечательное по литературному исполнению и исследовательским приемам сочинение раскрывало многое из того, что ранее было неизвестно, а вместе с тем ставило новые вопросы.³

В 1983 г. я попытался свести появившиеся в печати данные в одном очерке, предложив его ленинградскому журналу «Звезда». Но цензура не дала разрешение на публикацию появившихся в американской литературе материалов. Вернуться к этой теме оказалось возможным только, после того как в 1989 г. в Москве прошла встреча участников

Кубинского кризиса и историков, занятых его изучением. Состоялась беспрецедентная по своей откровенности дискуссия за закрытыми дверями. Попасть на эту встречу было трудно. Достаточно сказать, что ее участником с советской стороны можно было стать только по решению Политбюро ЦК КПСС. Однако председателем оргкомитета конференции был академик Е. М. Примаков, тогдашний директор Института мировой экономики и международных отношений Академии наук, с которым я был хорошо знаком уже много лет. Он не только включил меня в список советских участников, но и пригласил на конференцию по моей просьбе Г. Н. Большакова, бывшего военного разведчика, служившего под крышей советского посольства в Вашингтоне в качестве атташе по делам культуры, а на деле игравшего роль связного между Хрущевым и президентом Кеннеди. Примаков знал о Большакове и пошел навстречу моей просьбе, хотя первоначально его приглашать не собирались. Сам я узнал о нем только из книг Шлезингера. В моих глазах Большаков стал живой легендой. На встречу уже был приглашен А. Фомин (А. С. Феклисов), участник тайных переговоров в ресторане «Оксидентал». В Москву приехал также их участник с американской стороны Джон Скали. Последовавшие встречи с этими людьми оказались прологом моей работы по истории Кубинского кризиса в советских архивах.

Конференция в Москве состоялась 27–28 января 1989 г. Основываясь на материалах прошедших на ней дискуссий, я в сентябре 1989 г. опубликовал документальный очерк в «Звезде», на этот раз немедленно принятый к печати новым редактором журнала Г. Ф. Николаевым.⁴ В ходе конференции я записал интервью с Большаковым, и мы условились с ним, что, после того как я закончу очерк, позвоню ему, чтобы начать работу над воспоминаниями, которые он готов был продиктовать стенографистке. Он оставил номер своего телефона. В конце сентября 1989 г. я позвонил, как условились. Соседка по квартире ошеломила своим ответом: «Вы опоздали. Он умер пять месяцев назад». Позднее я узнал, что вскоре после смещения Хрущева в 1964 г. Большаков потерял работу и многие годы нуждался материально, закончив жизнь в коммунальной квартире. Трудно себе представить, что человек, принимавший непосредственное участие в переговорах по урегулированию крупнейших международных кризисов (наряду с Кубинским 1962 г. Берлинского 1961 г.), чреватых мировой войной, окончил жизнь в таких лишениях. Соседка по квартире, ответившая на мой звонок, позднее при личной встрече рассказала, что Большаков жил в постоянной нужде. Дочь Хрущева, Рада Никитична Аджубей, говорила, что хорошо знала Большакова: «Юра (Георгий. — А. Ф.) был такой прекрасный человек». В последний раз она его видела как раз во время январской конференции 1989 г. А. И. Аджубей пригласил его к себе домой вместе с приехавшими в Москву на конференцию их общими американскими знакомыми, бывшим советником президента Кеннеди Т. Соренсенем и пресс-секретарем Белого Дома П. Сэлинджером. Большаков был в приподнятом настроении, рассказывал, что собирается работать над мемуарами.

В американской литературе Большакова считали сотрудником КГБ. Но он принадлежал к другому ведомству — Главному разведывательному управлению Генерального Штаба вооруженных сил СССР (ГРУ). Донесения о его службе нужно было искать там — в ГРУ, самом закрытом учреждении разведки. Этот путь оказался очень долгим.

Начинать пришлось с другого конца — с разведывательной службы КГБ, материалы которой по ряду причин, о которых еще пойдет речь, оказались более доступными.

Началось все с выяснения обстоятельств переговоров между резидентом КГБ Фоминым-Феклисовым и американским тележурналистом Скали. На конференции их версии не сошлись, и это вызвало серьезные сомнения. Скали наотрез отказался полемизировать с Феклисовым, заявив, что тот ничего не помнит и все перепутал. В апреле 1992 г. я отправил Феклисову письмо с просьбой встретиться и поговорить. Он сразу ответил, пригласив к себе домой и проявив заинтересованность во встрече. Принял меня весьма любезно. Лейтмотив его рассказа заключался в том, что вступил он в переговоры со Скали без какого-либо разрешения, сам на собственный страх и риск. Во время беседы со Скали, состоявшейся по его инициативе, Феклисов пригрозил вторжением в Западный Берлин. «Это был искренний порыв моей души», — заявил он. Зная о том, каковы были советские порядки, мне это показалось странным. Мог ли осмелиться кадровый сотрудник КГБ, прослуживший много лет в советской разведке, в разгар международного кризиса, грозившего войной, действовать сам по себе, без согласования с Москвой? Ответить на этот вопрос утвердительно трудно. Самостоятельные, партизанские действия могли грозить наказанием, вплоть до высшей меры — расстрела. Полковник КГБ об этом должен был знать.

После состоявшегося разговора оставалась еще одна возможность — добиться доступа к донесению Феклисова об итогах его встречи со Скали в архиве СВР — Службы внешней разведки (бывшего Первого главного управления КГБ). Обратившись в пресс-службу СВР, я наткнулся на глухую стену. Объясняли, что шифр, которым была закодирована телеграмма, действует до сих пор и потому ее показать не могут. На предложение дать перефразированный текст также последовал отказ. В течение нескольких месяцев я обивал пороги пресс-службы, пока не догадался обратиться к Е. М. Примакову, который стал к тому времени директором СВР. Он откликнулся сразу, пригласив меня к себе в штаб-квартиру СВР в Ясенево. Там он сказал, что я увижу не только телеграмму Феклисова, но и многие другие документы. Примаков объяснил, что по соглашению с американской издательской фирмой принято решение совместно с американцами разработать несколько исследовательских проектов, включая историю Кубинского кризиса. Он сообщил, что претендентов на участие в кубинском проекте много и назвал имена некоторых из них. Однако, зная о моем давнем интересе к этой теме, решил отдать предпочтение мне. Это была ни с чем несравнимая дружеская услуга. Примаков поделился своими соображениями и дал несколько советов по поводу малоисследованных сюжетов темы.

Через несколько дней в Москву приехал мой будущий соавтор, только что начавший преподавать в Гавайском университете Тимоти Нафтали, которого рекомендовал известный историк-публицист Джон Костелло. Этот выбор оказался удачным, тем более что книга должна была появиться сначала на английском языке. Хотя у нас с Нафтали бывали серьезные споры и преодолевать их приходилось с большим трудом, работать с ним было интересно. Он получил прекрасную подготовку в лучших американских университетах, Гарварде и Йеле, где прошел школу у знаменитых исследователей. Обладая незаурядными способностями и трудолюбием, Нафтали весьма способствовал успешному завершению нашего научного проекта. Через четыре года совместной работы мы опубликовали книгу по истории Кубинского кризиса, взяв в качестве заголовка к ней цитату из выступления президента Кеннеди.⁵

Материалы СВР я получал в Москве в помещении пресс-службы, куда после предварительной проверки они доставлялись из Ясенево. После просмотра архивных дел я

составлял список документов, нужных для работы. Если они подлежали рассекречиванию, изготавливалось 3 экземпляра ксерокопий — один для меня, второй для Нафтали и третий контрольный оставлял у себя архив. Мне разрешено было также делать выписки из документов, которыми я делился с Нафтали или использовал их в русском тексте, который далее переводился на английский язык.

Параллельно с работой над документами СВР я приступил к изучению материалов Президиума ЦК КПСС, хранящихся в Президентском архиве. Допуск туда был также затруднен. Президентский архив является вспомогательной частью Администрации Президента Российской Федерации, не подчиняется Архивной службе и потому на него не распространяется установленный законом 30-летний срок давности, после которого документы должны поступить в открытое хранение. Попасть туда можно было, только получив разрешение руководителя Администрации Президента РФ. Вероятно, известие о том, что Примаков допустил меня к работе над материалами разведки, способствовало положительному решению о допуске в Президентский архив. Вместе с тем большое содействие моей работе в Президентском архиве оказал тогдашний директор Государственной архивной службы Р. Г. Пихойя, которому в то время в какой-то мере подчинялся Президентский архив.

Президентский архив оказался главным источником информации. Все важнейшие решения принимались партийной властью — Президиумом ЦК, документы которого по сей день хранятся в Президентском архиве. Важные постановления выпускались также Секретариатом ЦК КПСС, материалы которого находятся в Российском государственном архиве новейшей истории (РГАНИ). Этот архив входит в состав Российской архивной службы. Впрочем многие материалы и там до сих пор засекречены. В середине 1990-х гг. они были более доступны, чем сейчас, и я успел их использовать.

Самым первым документом, который мне показали в архиве СВР, была перефразированная телеграмма Феклисова о его встрече со Скали. Позднее я получил в свои руки и дешифрованные телеграммы Каллистрата (кодовое имя Феклисова). Ни один из документов архива не подтверждал его рассказ. Мой американский соавтор Нафтали получил аудиенцию у Скали. Но и ему не удалось добиться сколько-нибудь вразумительного объяснения. Складывалось впечатление, что значение встречи в ресторане «Оксидентал» сознательно преувеличивалось ее обоими участниками.

Весьма серьезным основанием для возникших сомнений стала моя беседа с послом А. Ф. Добрыниным, который весьма скептически отозвался о версии Феклисова. Кроме того, появилась статья бывшего помощника Хрущева по Президиуму ЦК О. А. Трояновского, который прямо сказал, что, насколько помнит, — а он участвовал во всех заседаниях кремлевского руководства в октябре 1962 г., — встреча Феклисова–Скали не имела какого-либо влияния на урегулирование Кубинского кризиса.⁶

По мере знакомства с материалами архивов эти сомнения усиливались. После того как телеграмма Феклисова была получена Центром, она по решению Президиума ЦК была переброшена в Гавану. Советскому послу на Кубе А. И. Алексееву поручалось встретиться с Фиделем Кастро и сообщить ему, что в Москве уже принято решение о развязке Кубинского кризиса, еще до того как пришла эта телеграмма. Тем не менее в Кремле хотели вовлечь Кастро в процесс переговоров и решили, что сообщение Феклисова дает подходящий повод. Кубинскому лидеру советовали положительно ответить на вопрос, обсуждавшийся в Вашингтоне с «заслуживавшим доверия источником», не

называя никаких имен. Правда, Кастро на этот крючок не клюнул. При встрече с Феклисовым на следующий день, 27 октября, Скали просил ускорить ответ. Ни Феклисов, ни тем более Скали не знали и знать не могли, что Громыко выступил решительно против продолжения этих переговоров, ибо по линии Министерства иностранных дел уже было достигнуто соглашение через Роберта Кеннеди.

Едва ли не главным аргументом при разгадке прежде существовавшей трактовки этой истории оказалась обнаруженная среди документов РГАНИ протокольная запись заседания Президиума ЦК 25 октября, более чем за сутки до встречи в ресторане «Оксидентал». На этом заседании Хрущев выдвинул предложение убрать советские ракеты с Кубы, если США дадут обязательство не нападать на остров.⁷ Это было как раз то, что обсуждали Феклисов и Скали во второй половине дня 26 октября. Возникает закономерный вопрос, а не выполнял ли советский резидент зондаж, получив соответствующее задание Москвы? Один из ветеранов советской разведки объяснил мне, что в подобных случаях Центр дает «ориентировку» своему представителю, чтобы выяснить возможную реакцию другой стороны. При этом в архиве документы с такого рода заданием не хранятся.

Оставался еще один, проверочный ход — показать телеграмму 1962 г. ее автору Феклисову. Ознакомившись с архивным делом, он сказал, что это — фальсификация. Феклисов в письменной форме заявил протест, утверждая, что никогда ничего подобного не писал, хотя самое тщательное изучение архивного дела показало, что никаких оснований считать, что в дело подложили другой документ, нет.

Единственно возможное предположение заключается в том, что Феклисов, как и американский участник встречи, Скали, так хотели войти в историю, что уверовали будто именно они выработали план урегулирования конфликта (это отнюдь не исключает того, что оба хотели содействовать его мирному решению). Подобная версия подтверждается и тем, что мемориальная доска, находящаяся по сей день в ресторане «Оксидентал», была изготовлена и повешена там Джоном Скали, как он сам мне об этом рассказывал, а Феклисов лишь уверял, что там вместо «загадочного мистера Икс» должно было стоять его имя (Фомин).

Таким видится решение этой загадки, ставшее возможным после анализа совокупности всех фактов и документов.

В случае с Большаковым дело было сложнее — ГРУ категорически отказывалось предоставить какие-либо материалы о нем. Потребовалось более года, чтобы убедить руководство этой службы сообщить элементарные сведения из его личного дела, а затем и содержание его бесед с братом президента США Робертом Кеннеди. В результате настойчивых просьб я получил перепечатанные на машинке выдержки из отчетов Большакова об этих встречах. Сопоставление полученной перепечатки с другими материалами, прежде всего документами Президентского архива, позволило убедиться, что речь идет о подлинных отчетах, хотя до сих пор непонятно, почему отказали в получении фотокопий с оригинала.

Мои многочисленные обращения с просьбой предоставить документы о деятельности Большакова получили в конечном итоге положительное решение благодаря вмешательству тогдашнего первого заместителя министра обороны РФ А. А. Кокوشина, с которым я ранее был знаком по совместной работе в Академии наук. По непонятной причине прежнее руководство ГРУ отказывалось вообще признавать за Большаковым

какие-либо заслуги, утверждая, что он ничем не выделялся из массы сотрудников военной разведки. Однако полученный материал показывал, что это было не так. Документы свидетельствовали, что Большаков выполнял исключительной важности государственную миссию, которая способствовала поддержанию советско-американского диалога и сохранению мира. Этот материал был частично использован в нашей совместной с Нафтали книге, а позднее в моем журнальном очерке, специально посвященном Большакову.⁸

При активной поддержке Администрации Президента Российской Федерации, Министерства иностранных дел и Министерства обороны Большаков в конце концов был представлен к правительственной награде. «За мужество и отвагу, проявленные при выполнении специального задания», его наградили посмертно Орденом Почета.⁹ Так была поставлена точка в драматической истории этого видного разведчика уже после того как закончился его жизненный путь.

Не только судьба отдельных людей или событий, но и целые пласты истории становятся известны благодаря знакомству с архивными документами. На этом пути исследователя ждет успех в результате настойчивого поиска, а иногда счастливого совпадения случайностей или просто удачи, как это было со мной на протяжении всей моей работы по изучению Кубинского кризиса.

Кубинский ракетный кризис 1962 г. занял исключительно важное место в международных отношениях XX в. Он оказался пиком «холодной войны», и его урегулирование избавило человечество от реальной угрозы ядерной войны.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Фурсенко А. Тайна ресторана «Оксидентал» // Звезда. 1998. № 3. С. 131–139.

² Schlesinger A. M. Jr. A Thousand days: John F. Kennedy in the White House. Boston, 1965; Sorensen Th. Kennedy. New York, 1965; Hillsman R. To Move a Nation: The Politics of Foreign Policy of the Administration of John F. Kennedy. New York, 1964.

³ Schlessinger A. M. Jr. Robert Kennedy and His Times. Boston, 1978.

⁴ Фурсенко А. А. На краю пропасти: Карибский кризис 1962 г. // Звезда. 1989. № 9.

⁵ Fursenko A., Naftali T. «One Hell of a Gamble»: Khrushchev, Castro and Kennedy 1958–1964. New York, 1997; Фурсенко А., Нафтали Т. Адская игра: Секретная история Карибского кризиса 1958–1964. М., 1999.

⁶ Трояновский. О. А. Взгляд из Кремля // Международная жизнь. 1998.

⁷ Запись этого заседания сохранилась в заметках В. Н. Малина, заведующего общим отделом ЦК КПСС, который по поручению Хрущева вел краткие протоколы заседаний Президиума ЦК (РГАНИ). В 2003 г. эти материалы были опубликованы (Архивы Кремля: Президиум ЦК КПСС 1954–1964. Т. 1: Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы / Гл. ред. А. А. Фурсенко. М., 2003. 1344 с.).

⁸ Фурсенко А. Георгий Большаков — связной Хрущева с президентом Кеннеди // Звезда. 1997. № 7. С. 161–183.

⁹ Указ Президента Российской Федерации № 487 от 4 мая 1998 г.